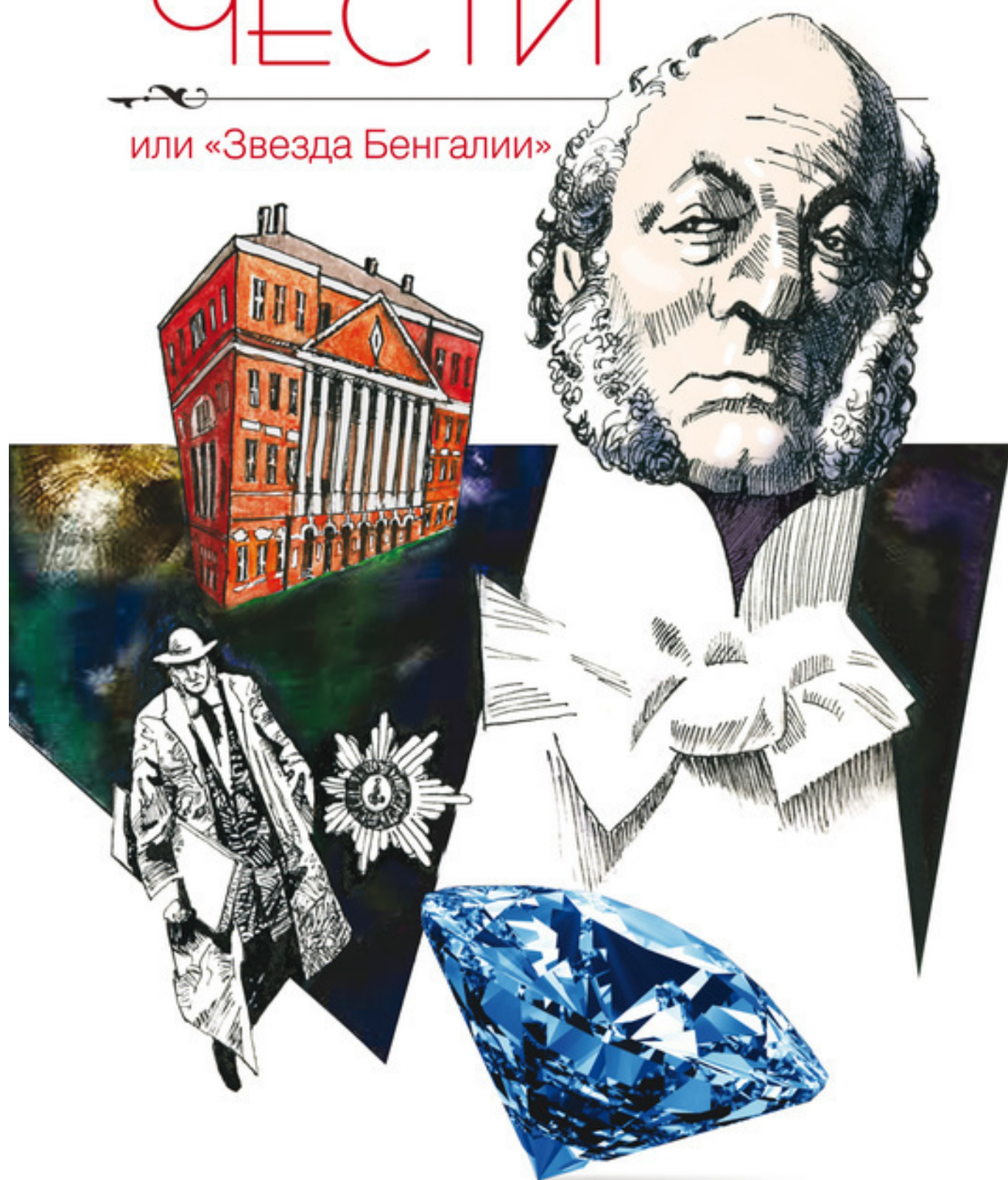

ДЕЛО ЧЕСТИ

Максим
Афанасьев

или «Звезда Бенгалии»

Максим Афанасьев

Дело чести или «Звезда Бенгалии»

«ИТРК»

2017

УДК 82.312.4
ББК 84-44

Афанасьев М. Н.

Дело чести или «Звезда Бенгалии» / М. Н. Афанасьев —
«ИТРК», 2017

ISBN 978-5-88010-417-8

Основой сюжета книги является расследование кражи драгоценности во дворце богатого вельможи в Москве в конце XIX века. Действующие лица: отставной офицер Важин, чиновник департамента полиции Пётр Михайлович Кромов, старомодный князь Вышатов, владелец дворца и украденного алмаза, некоторые из его челяди, и офицеры Русской Императорской армии, бывшие сослуживцы Важина. Место действия – дворец, где на балу и происходит похищение. Увлекательное повествование с элементами старого русского детектива, несомненно, вызовет интерес у современного читателя. Эта книга станет хорошим подарком, она предназначена для читателей всех возрастов.

УДК 82.312.4
ББК 84-44

ISBN 978-5-88010-417-8

© Афанасьев М. Н., 2017
© ИТРК, 2017

Содержание

Часть I. Переполюх в Набережном дворце	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Максим Афанасьев

Дело чести или «Звезда Бенгалии»

© Афанасьев М.Н., 2017

© Издательство ИТРК, 2017

* * *

Часть I. Переполох в Набережном дворце

Глава 1

«Господину Важину, капитану Московского гренадёрского полка.

Его превосходительство князь Вышатов приглашает Вас посетить благотворительный вечер, организованный фондом помощи военнослужащим Русской императорской армии. Входной билет – 1 рубль, оплачивается при входе. Собрание состоится 19-го числа сего месяца в Набережном дворце князей Вышатовых. Начало в 3 часа дня.

Его превосходительство князь Владимир Григорьевич Вышатов».

Такое письмо вручил мне посыльный, когда я выходил из здания Московской военно-технической комиссии, где, вот уже в течение более двух лет после окончания службы в армии в качестве военного инженера, служил в отделе транспортного и фортификационного строительства. В конце письма я увидел хорошо мне знакомую, размашистую подпись князя Вышатова.

Признаться, этого приглашения я поджидал уже дня два-три. Князь Вышатов был в Москве известной личностью. Сам в прошлом военный, он, после ухода со службы, организовал фонд помощи бывшим военнослужащим армии Его Императорского Величества. Со временем деятельность фонда стала весьма заметна в городе. Князь устраивал приёмы, организовывал концерты и прочие светские мероприятия, на которых почтенная публика могла жертвовать деньги на деятельность фонда. Среди прочего, два раза в год, весной и осенью, князь устраивал в своём дворце череду благотворительных приёмов, на один из которых мне и принёс приглашение посыльный. На эти приёмы я ходил уже около трёх лет и всегда посещал их с большим удовольствием, так как, кроме возможности внести свою денежную лепту в активы фонда, это был хороший способ поддержать знакомство со своими бывшими сослуживцами и не потерять друг друга в огромном городе.

Отпустив посыльного, я положил приглашение в карман и бросил взгляд во двор нашего учреждения, по которому туда-сюда сновали несколько служащих. Моё внимание привлекла знакомая фигура, в модном пальто и широкополой шляпе. Фигура принадлежала довольно высокому худощавому мужчине, и неспешно шествовала к главным воротам здания Технической комиссии, выходящим на бульвар. В каждой руке мужчина держал по листу бумаги, и крутил головой то влево, то вправо видно, поочерёдно читая, что написано на каждом из них.

– Эгей!!! – крикнул я во всю мощь своих лёгких. – Пётр Михайлович! Каким ветром занесло вас в наши края?

Услышав мой голос, фигура остановилась, обернулась, и передо мной предстал не кто иной, как Пётр Михайлович Кромов, советник Департамента полиции и, по совместительству, лектор Московского университета по дисциплине «правоведение». С Кромовым мы познакомились около полутора лет назад, в Императорском техническом училище, куда его пригласили прочитать лекции по вопросам права, а меня для подготовки студентов по строительным дисциплинам. Поначалу мы только здоровались, встречаясь в коридорах училища, потом у нас стали завязываться пустяковые разговоры, и как-то, слово за слово, Кромов разговорился о своей службе и потом перескочил на рассказ о своём увлечении. Дело в том, что хобби Кромова было занятие филологией и графологией, что, как он мне пояснил, суть есть изучение языков и говоров разных народов, их происхождения, развития, изменения, а так же способов и стилей письма и так далее и тому подобное. Поначалу тема показалась для меня довольно скучной, о чём я, как можно более деликатно, и не преминул намекнуть моему собеседнику, чем вызвал его искреннее удивление.

– Да что вы! – воскликнул тогда Кромов. – Вы просто не понимаете всей глубины вопроса. После чего схватил меня за руку и в течение часа с жаром объяснял мне предмет своего изучения.

– Вы что думаете, Важин, – Пётр Михайлович почему-то сразу принял манеру обращаться ко мне по фамилии. – Вы думаете, занятие словом это бродить по стране и спрашивать поселян: а как это по-вашему называется или как вот это по-вашему называется?

Я признался, что примерно так и думал.

– Хм. Конечно сбор материала – важная вещь, – продолжил он, – но ограничивать этим всю работу по языкознанию – всё равно, как утверждать, что строительство дома – это привезти и свалить в каком-то месте доски, булыжники и кирпичи. Строить-то дом надо.

– Так что же строить? – возразил я тогда. – Всё построено. Русский говорит по-русски, француз по-французски, немец по-немецки.

– Немец по-немецки, говорите? А вот, к примеру, решит кто-нибудь, что наш беспокойный сосед, прусский король и император германский Вильгельм слишком уж громко кричит о едином рейхе. Походит по германской империи, поспрашивает поселян в Баварии, Саксонии, Франконии: как у вас это называется, а как это? Приплетёт свои выдумки и издаст потом учебники саксонского, баварского и франконского языков. И спросят у кайзера Вильгельма: какой же такой единый немецкий рейх, какие такие единые немцы, ведь немцев-то никаких и нет, а вот, пожалуйста, полюбуйте, есть баварцы, саксонцы, франконцы, вот и языки отдельные у них и учебники имеются.

Или подумается нашему государю-императору Всероссийскому, самодержцу Московскому, Киевскому, Владимирскому и прочая и прочая и прочая, что возлюбленный брат наш Франц, император Австрийский и король Венгерский, уж слишком грозно и часто лязгает оружием у наших границ. А ведь большая часть подданных Дунайской монархии – это славянские народы. Почему бы не найти тут древней рукописи, которая повествует, что исстари на землях этих было независимое славянское государство, к примеру, моравское, или словенское.

– Но что бы что-то найти, – Кромов хитро прищурился, так что его глаза за круглыми очками превратились в две щелочки, – надо сначала это что-то сделать.

– Я думаю, для такой «занимательной филологии» нужна хорошая государственная поддержка.

– Нужна, нужна, – скороговоркой оттараторил Пётр Михайлович. – Я это вам рассказывал, что б показать, что на первый взгляд скучноватое занятие может быть весьма интересным делом. Поверьте мне, иногда разбор рукописей и исторических бумаг может быть куда как более захватывающим, чем иное детективное расследование.

С этого разговора и началось наше более близкое знакомство. Пётр Михайлович стал водить меня в компании, в которых был принят сам, я, в свою очередь, отвечал ему тем же и вскоре Кромов стал достаточно хорошо известен среди моих знакомых, главным образом отставных и действующих офицеров императорской армии. Вообще он оказался человеком образованным и интересным. На вечерах он частенько развлекал публику, выводя на бумаге различные надписи готическим, римским или древнерусским шрифтом, а так же рассказами о своих изысканиях в исторических архивах и историями из деятельности Департамента полиции. Правда однажды он мне признался, что полицейским или сыщиком, в прямом смысле этого слова, его назвать нельзя.

– Я обеспечиваю только правовые аспекты деятельности нашего полицейского управления. Для слежки, обысков и прочего есть более подходящие люди, – пояснил он.

Так вот, как уже говорилось, именно Кромов я и заметил, бредущего к воротам нашего учреждения с какими-то бумагами в руках.

– Здравствуйте Важин, – сказал он. – Я хотел зайти к вам, посоветоваться по поводу одного вопроса по квартире, да вот стал читать эти два письма и задумался.

– Что за письма?

– Это, – Кромов поднял левую руку, – письмо от полицмейстера господина Листопадова, вы его наверняка помните, встречались пару раз.

– Конечно, помню.

– Здесь материалы по делу одного финансового афериста, недавно арестованного полицией. Нужно грамотно выдвинуть обвинение, чтобы не дать адвокатам придраться ко всяким мелочам и нестыковкам. Но это пустяки, справимся. А вот это, – Кромов поднял правую руку, – вот с этим разобраться будет посложнее.

– Что это за иероглифы?

– Это копия надписи на камне, найденная недавно на островах греческого архипелага. Филологическое общество при Московском университете предложило всем желающим, кто имеет соответствующие знания, принять участие в дешифровке. Вы знаете, это уже вторая попытка. Какой-то совершенно уникальный язык, или слова знакомого нам древнего языка написаны неизвестными буквами. Пока не могу подобрать ключа. Настроение из-за этого пре-противнейшее...

Дело в том, что два дня назад филологическое общество уже заслушивало отчёты о расшифровке данных надписей. Было решено, что слова текста древнегреческие, а буквы какого-то ранее не известного архаичного, как называли его в филологическом обществе, «протокритского» алфавита. Трём специалистам, в том числе и Кромову, было предложено независимо друг от друга выполнить перевод надписи на основе сделанных предположений. Дело кончилось полным провалом. Предоставленные тексты не имели ничего общего друг с другом. Из-за этого Кромов погрузился в мрачное настроение, в котором и пребывал по сей день.

– М-да, – произнёс я, разглядывая палочки, кружочки и галочки, нарисованные на листе бумаги, – желаю удачи во второй попытке. Что вы хотели спросить про квартиру?

– Как вы думаете, хозяйка, когда говорила, что сдаёт комнаты при условии, что жильцы будут прилично себя вести и не захламлять дом, имела в виду так же и маленький флигель?

– Имеете в виду, надо ли прилично себя вести и в маленьком флигеле, или имеем ли мы право его захламлять?

– Всё шутите. Рад, что у вас хорошее настроение. Мне надо перевезти ещё три чемодана с бумагами. У меня в комнате их поставить уже решительно негде. Я хочу поставить их там, естественно, на время, ведь он всё равно пустует.

– Насколько я помню, флигель не входит в состав тех помещений, которые снимаете вы или я.

– Да, это верно, – вздохнул Кромов, – но не тратить же деньги на съём комнаты только затем, чтобы сложить там три чемодана. А Марта Генриховна человек принципиальный, наверняка упрётся.

Мартой Генриховной звали хозяйку дома, где пару месяцев назад руководство Технического училища сняло квартиры для своих служащих и преподавателей. Это был небольшой трёхэтажный дом. Часть первого этажа занимала торговая лавка, другая была занята самой хозяйкой, второй и третий этажи были выставлены на аренду.

Я решил воспользоваться представившейся возможностью, а не так давно туда решил переселиться и Кромов. Правда, если я переехал за два дня, то переезд Кромова длился уже второй месяц. Ему нужно было перевести такой ворох всевозможных бумаг, которые раньше он хранил во всяких каморках в здании университета, что каждое воскресенье у подъезда останавливался извозчик и из коляски вылезал Кромов с очередной партией свёртков и пакетов, которые он планомерно распахивал по всем углам.

– Не волнуйтесь, – говорил он хозяйке, которая смотрела на него насупленным взглядом, – когда я со всеми этими пакетами разберусь, они будут занимать гораздо меньше места.

И вот теперь осталась последняя партия из трёх чемоданов, которые надо было куда-то пристроить.

– Чемоданы крепкие? – спросил я.

– Да. Отличная работа. На них можно даже встать ногами, и то не продавятся.

– Тогда ладно. Готов временно сложить их у себя в комнате рядом со столом. Накрою скатертью, будет как тумбочка. Но только временно! Согласны?

– Конечно. Тогда сегодня вечером я их и привезу.

Я протянул Кромову полученное мною письмо.

– Приглашение на бал в Набережный дворец. Что скажете? – спросил я. Он взял в руки приглашение и осмотрел его внимательным взглядом.

– Ваш князь просто каллиграф, великолепная подпись, – ответил он, – кроме того, не ленится сам подписывать все приглашения. Ну что ж, бумага отличного качества, гербовая, видимо, князь не скупится, когда дело касается его фонда, впрочем, по манере ставить подпись, можно сказать...

– Стоп, стоп, стоп! Я спросил вас о другом. Не хотите завтра составить мне компанию?

Мой товарищ заложил руки за спину и тяжело вздохнул.

– Нет, – со вздохом ответил он, – не хочу портить вам компанию своим мрачным расположением духа. Вы сами видите, неурядицы последних дней нагнали на меня невыносимую тоску. Что за смысл в получении знаний, коли они оказываются бесполезными и никому не нужными. Так что идите один, друг мой, веселитесь, я же останусь дома. Для балов я сейчас явно не гожусь.

– Да? Считаете, что хандра поможет вам в расшифровывании этих исторических иероглифов? Все будут весьма рады видеть вас, и думаю, бал гораздо лучше поднимет вам настроение, чем копание в старых рукописях.

В ответ на это Кромов только пожал плечами.

– Дело ваше, но если так пойдёт и дальше, вы скоро из дому будете выходить, только если случится кража века не меньше.

На следующее утро, выйдя в общую гостиную, я увидел Кромова сидящим в кресле посреди комнаты. Вчера вечером он, наконец, закончил переезд и последние три чемодана были временно водворены ко мне.

– Ну как, по поводу бала не передумали? – спросил я его. Однако мой новый сосед явно не собирался подниматься с кресла, в котором сидел, вытянув свои ноги чуть ли не на середину комнаты.

– Нет, не передумал. А вдруг, как только вы уйдёте, прибежит посыльный с сообщением о краже века. Вот будет обидно упустить такой случай.

Я засмеялся и, пожелав ему, чтобы всё так и случилось, вышел из дому. Погода была ясной, и, не став брать экипаж, я отправился пешком. У нас в клубе, уже пару недель шли разговоры о предстоящем приеме у князя Вышатова. Капитан Дормидонтов, наиболее активно участвовавший в работе фонда, заявлял, что на балу нам доведётся увидеть, как он выразился, «знаменательное событие».

В 3 часа дня я подошёл к Набережному дворцу. Признаться, не знаю, почему дворец получил именно такое название, так как от набережной он стоит довольно далеко. Может, раньше не существовало домов, которые теперь стояли между дворцом и рекой, а может, по площади перед дворцом ранее протекала какая-нибудь речушка или канал. Я позвонил. Дверь открыл дворецкий. Это был высокий мужчина весьма представительской внешности, с несколько надменным взглядом и огромными бакенбардами фасона, который вышел из моды лет двадцать назад. По прошлым посещениям я запомнил его фамилию – Брюсов. Дворецкий посмотрел моё приглашение, принял входную плату и указал рукой на широкую лестницу, которая вела на второй этаж в парадную залу.

Подойдя к дверям, я остановился на пороге и окинул взглядом собравшихся. В зале было порядка восьмидесяти человек. Князь Вышатов, столь же высокий и с такой же старомодной растительностью на лице, как и у его дворецкого, переходил от одной группы гостей к другой, изящно раскланиваясь с женщинами и важно кивая головой мужчинам. Я тоже удостоился кивка хозяина, на который не преминул ответить.

– Важин, эй, Важин, – я обернулся и увидел капитана Дормидонтова в окружении нескольких офицеров, который энергично махал мне рукой, – давайте, подходите к нам.

Я подошёл к группе из четырёх человек.

– Позвольте представить, – сказал Дормидонтов, – капитан Уваров, корнет Гриневский, ну а с Федотом вы знакомы.

Действительно, с четвёртым участником группы, Федотом Олсуфьевым, весёлым малым с копной вьющихся светлых волос на голове и заливчато завитыми, как он сам любил повторять, «гусарскими» усами, мы вместе служили в одном полку, а теперь, по крайней мере, раз в неделю, встречались в клубе за игрой в бильярд. Капитан Уваров был крепким мужчиной средних лет с коротко стриженными седоватыми волосами. Молодой человек, которого представили корнетом Гриневским, был похож скорее на салонного завсегдатая, чем на боевого офицера. Его тонкие усы были тщательно завиты, а волосы покрыты лаком и уложены в модную причёску. Несмотря на такую разницу во внешности и Уваров, и Гриневский были одеты одинаково: оба пришли в армейских мундирах.

– Познакомьтесь, бывший капитан инженерной службы Московского гренадёрского полка господин Важин, а эти господа – мои сослуживцы по Малоярославскому пехотному полку армии Его Императорского Величества, – закончив представление, Дормидонтов предложил поднять бокалы за встречу, что и было нами немедленно исполнено.

Некоторое время мы провели за разговорами о последних новостях политики, впрочем, говорили, в основном, я, Уваров и Дормидонтов. Мой приятель Федот Олсуфьев, основными интересами которого были танцы, карты и игра на бильярде, через некоторое время покинул нас, найдя себе более интересную компанию. Гриневский тоже вскоре заскучал от затеянного нами чересчур серьёзного разговора и предпочёл отправиться в буфет. У нас же беседа пошла по нарастающей и Уваров с Дормидонтовым заспорили всерьёз. Разговор зашёл о современных нравах и приёмах политики, причем, Уваров настаивал на «старых добрых нравах» чуть ли не времён древней Руси и называл всех нынешних государственных деятелей лгунами, торгашами и театральными кривляками. Дормидонтов же высказывал более прагматичные, если не сказать циничные, взгляды на то, как в наше время должна делаться политика, чем вызывал нешуточное раздражение своего собеседника. В конце концов, оба почтенных господина так увлеклись своей словесной баталией, что мне не удавалось вставить в разговор ни слова, и я тоже решил оставить их и поискать другую компанию.

К своему удивлению, прогуливаясь по залу, я не встретил практически никого из своих знакомых. Офицеры, были из Малоярославского пехотного и, насколько я понял, Сибирского стрелкового полков, из гражданских же служащих я вообще практически никого не знал. Я уж стал думать, что кроме меня и Олсуфьева из нашего Московского гренадёрского больше никого нет, когда в другом конце зала я увидел знакомое лицо. Это был невысокий крепкий мужчина, скромно стоявший в стороне от других гостей. Одет он был в серый пиджак и такого же цвета брюки, чем так же выделялся из разряженной толпы, как будто он пришёл не на праздник, а был здесь по делам службы. На эту мысль наводила и поза, в которой стоял мужчина: он заложил руки за спину и покачивался на носках ботинок, время от времени осматривая зал внимательным взглядом.

– Боже ты мой, – громко воскликнул я, пересекая зал и направляясь к мужчине в сером, – вот уж кого не ожидал тут увидеть. Удивлён и рад одновременно.

Субъект в сером сначала крутанул головой, пытаясь сообразить, чьё внимание он привлёк, потом на несколько секунд уставился на меня, и, наконец, его лицо расплылось в столь хорошо мне знакомой добродушной улыбке.

– Боже ты мой, – повторил он вслед за мной, и, раскрыв руки, двинулся мне навстречу. – Боже ты мной! – повторял он, обнимая меня и похлопывая по спине.

Это был Игнатий Лядов. В своё время он был придан мне командованием в качестве ординарца и мы вместе прослужили пять лет. Игнат был из мещан какого-то небольшого городка Тверской губернии и ко времени нашего знакомства имел чин ефрейтора. Постепенно он начал проявлять интерес к образованию и, после получения унтер-офицерского чина, попросил меня, по мере возможности, обучать его инженерному делу. Сперва идея не вызвала у меня восторга, но, начав привлекать Лядова к делам фортификации, я об этом не пожалел. Не сказать, чтобы он схватывал всё на лету, и, кроме того, у него совершенно не было базовых знаний, но эти недостатки он компенсировал усердием и упорством, которые всегда проявлял в достижении раз поставленной цели. Так что последние полтора года нашей совместной службы он был скорее моим младшим сотрудником, чем просто подчиненным. Расстались мы с ним два года назад, на строительстве береговых батарей в Эстляндской губернии, когда я решил перейти с военной на гражданскую службу.

Удивился же я, увидев Лядова на балу, потому, что когда я отправлялся в центральную Россию, он намеревался остаться служить в армии, и, насколько я помню, намеревался жениться на дочери одного из служащих местной русской администрации.

– Какими судьбами ты здесь, в Москве? – спросил я. – Когда я уезжал из Ревеля, у тебя намечалась свадьба, и ты собирался остаться в Эстляндии.

– Собирался, – за прошедшее время Лядов не утратил своей манеры говорить не спеша, растягивая слова, – собирался, господин Важин, но... случилось кое-что.

– А что произошло?

– Да, произошла одна история, – Лядов глубоко вздохнул.

– Расскажешь?

– Э-эх! – Игнат махнул рукой. – А почему бы и не рассказать? Расскажу, хотя приятного для меня в ней мало.

– После того, как вы уехали, – начал он рассказ, – я остался служить, и дела мои пошли в гору. Я стал подумывать о том, чтобы получить официальное инженерное образование, мне присвоили следующий чин, и, кто знает, со временем может я мог бы получить и обер-офицерское звание.

Ну и да, вы знаете, я познакомился с дочерью одного из местных чиновников, и дело у нас шло к свадьбе, причем, с полного одобрения её родителей. Но потом..., – Лядов снова вздохнул, – потом что-то как будто трюкнуло в моей глупой башке и пошла гулять деревня. Вы знаете, мои родители люди бедные, хорошие, но бедные. Мещане, и я, значит, тоже был бедный мещанин. А в армии я выслужился, от вас нахватался таких знаний, о которых и мечтать-то раньше не мог, узнал то, о чём и знать-то никогда не знал. Познакомился и готовился жениться на дочери титулярного советника, не генерал, но всё же таки-фигура. Вы знаете, ведь строительство второго бастиона береговой батареи командование подумывало мне отдать. Не весь конечно, а подготовительные работы, пока другой инженер не прибудет. Ко мне уж и на «вы» стали многие обращаться.

Но... Но вы уехали, и некому стало меня в узде удерживать. Голь перекатная в люди выбилась! Нет чтобы закрепиться в положении-то своём... Куда там! Знаете, что я сделал? Я купил себе нагайку, да не такую обыкновенную как у казаков, а сувенирную, с резной ручкой и позолотой. В ювелирной лавке я купил себе перстень, и вот так вот с перстнем на пальце и плёткой за поясом и ходил по городу. Те учебники, что вы мне оставили, я так и не прочитал. Решил, что и так всё знаю. Тестю своему будущему я нагрубил, на приёмы я приходил со своей

нагайкой за поясом, теми деньгами, что накопил за предыдущие годы, швырялся, направо и налево. Добром это не могло кончиться и не кончилось. Я совершил несколько ошибок на втором бастионе и меня временно отстранили от работ, до приезда нового инженера. Когда же тот приехал и посмотрел, что я наделал, то усмехнулся, и сказал, что, пожалуй, обойдётся без моей помощи. Потом мой будущий тесть дал мне понять, что если я и дальше так буду себя вести, то о свадьбе не может быть и речи. Я не обратил на его слова внимания. Ведь Александра, моя невеста, по-прежнему относилась ко мне хорошо и защищала меня перед своим отцом. Значит она на моей стороне, а всё остальное и не важно. Но я умудрился всё испортить и здесь. На одном из вечеров я стал ухаживать за её подругой, просто так, без всяких серьёзных намерений, исключительно по своей дурусти. И тут моя невеста подошла ко мне и при всех влепила пощёчину. Это был конец. Помолвка была расторгнута, на балы и приёмы меня приглашать перестали. Я был зол на всех, но поделаться ничем уже было нельзя. В местном русском обществе обо мне сложилось мнение как о гуляке и мерзавце, и со мной никто не хотел иметь дело. Единственное место, куда мне был открыт путь, это портовый кабак, где я сидел и пил горькую большую часть времени. Так я и катился все дальше и дальше.

Но как-то раз ко мне подошёл человек, представился дворецким князя Вышатова и сказал, что князь, памятуя о моем военном прошлом, хотел бы мне помочь выбраться из того незавидного положения, в котором я оказался, и дать мне денег для возвращения домой, если я того хочу. Сначала я ответил, чтобы он катился со своим князем куда подальше и не совал нос не в свои дела, но он был сама невозмутимость.

– Это тот, что служит и сейчас?

– Да, Яков Александрович, тот, что встречает гостей. Он мне объяснил, что князь считает своим долгом помогать тем военнослужащим, кто сбился с дороги, потому как считает недостойным положение, при котором люди, служившие в армии Его Императорского Величества, скатываются на дно. Вот так я по своей глупости погубил все свои планы, а благодаря щедрости князя Вышатова, оказался в Москве.

– А твоя невеста, что с ней?

– Бывшая невеста, господин Важин, бывшая. Её отец получил повышение, и теперь служит в ведомстве Московского генерал-губернатора, но путь в их дом мне закрыт. До сих пор мне перед ней стыдно, а ведь она меня, по сути, и выручила.

– Каким образом?

– Яков Александрович рассказал мне, что это она, встретив князя Вышатова на одном из приёмов, рассказала обо мне и попросила помочь.

– Вот как. И давно ты в Москве?

– Три месяца.

– И чем занимаешься?

– Сначала, после приезда, всё чу ты не пошло по-прежнему, разница была только та, что ревельские кабаки сменились московскими. Но такая жизнь изрядно мне надоела, и я стал думать, куда мне податься.

– Написал бы мне, я хоть и не богач, но вполне мог бы помочь.

– Я думал об этом, но совершенно не знал, где вас искать. Ехать домой к матери и отцу было неудобно, не хотелось приезжать почти оборванцем. Тогда я разыскал дом князя, обратился к дворецкому, он помнил нашу встречу, и попросил оказать мне протекцию и пристроить к какому-нибудь делу. Князь предложил мне работать в его фонде, выполнять разные поручения, этим я и занимаюсь.

– То есть ты сейчас в услужении у его превосходительства?

– Да. В последнее время основное моё дело опекать нашего бедолагу поручика, следить, чтобы он не натворил беды.

– Что за бедолага поручик?

– Да вы его знаете. Григорий Бехтерев, поручик нашего гренадёрского полка.
– Конечно, я его помню! Но почему бедолага? На службе он был молодцом, правда, мне казался несколько высокомерным.

Лядов в раздумье потер лоб.

– Так вы ничего не слышали? – спросил он.

– О чём?

– О злключениях Бехтерева?

– Ни слова.

– Тогда даже не знаю, имею ли я право вам рассказывать. Но если в двух словах, то он почти повторил мою историю, и причиной тому была любовь к одной..., к одной известной особе.

– Он сватался и получил отказ?

– Нет. Эта девушка благородного происхождения, а Григорий Бехтерев, хоть и из обеспеченной семьи, всё-таки, по мнению её родителей, не достоин быть парой для их дочери.

В это время, дымя сигарой, к нам подошёл Дормидонтов.

– Ага, – он хлопнул меня по плечу, – вы тоже сбежали? Не выдержали нашего спора? Надо сказать этот Уваров ещё тот упрямец. Встретили однополчанина?

– Да. Вот уж не ожидал его здесь увидеть.

– Не знали, что он теперь работает у нас?

– Нет.

– Ну что, Игнат, ты готов?

– Да, сударь.

– Брюсов уже справлялся о тебе, он ждёт в холле.

– Иду. Я думаю, мы ещё встретимся, господин Важин.

– Конечно.

Лядов раскланялся с нами и направился к выходу. Мы с капитаном стали прогуливаться по залу.

– Странное дело, – сказал я.

– Вы о чём?

– Уваров и Гриневский. Я мельком видел их и раньше, но познакомился только сегодня. Совершенно разные люди, можно сказать противоположности друг друга, а одеты совершенно одинаково, в военные мундиры. С Уваровым понятно. Если бы было нужно написать портрет безупречного офицера, лучшего образца не найти. Но Гриневскому больше подошёл бы щегольской фрак с цветком в петлице.

– Открою вам секрет. Наш корнет считает, что мундир придаёт ему мужественности и делает его неотразимым в женских глазах.

– Понятно. А что за дело у Лядова с дворецким?

Дормидонтов хитро подмигнул мне, видимо, сегодня капитан был в отличном настроении.

– Я говорил, на этом вечере будет один сюрприз. Папаше Вышатову удалось заручиться поддержкой для своего фонда в весьма высоких сферах, и сегодня это будет продемонстрировано собравшимся здесь. Мне тоже довелось в этом поучаствовать, и я могу вам сказать, что теперь наши дела выйдут на совсем другой уровень. Но тот, кто к нам едет, и то, что он везёт, нуждается в хорошей встрече и, главное, хорошей охране. Брюсов и Лядов этим и занимаются. Потерпите, скоро сами все увидите. Да, кстати, – капитан осмотрел залу и жестом руки подозвал к себе невысокого молодого человека, который стоял рядом с князем Вышатовым, – Ипполит Фёдорович, будьте добры подойти к нам.

– Это наш новый секретарь, Ипполит Сенцов, – сказал он, пока молодой человек приближался к нам. – В обществе называю его по имени-отчеству, для солидности.

– Вот что, Ипполит, – обратился капитан к секретарю, полуобняв его за плечи, – Брюсов и Лядов уже принялись за дело, а вы проследите за тем, чтобы нужные люди раньше времени не ушли с бала. Те, кто может быть нам полезен, должны быть свидетелями того, что сегодня произойдёт.

Секретарь кивнул головой и удалился.

Оркестр заиграл вальс. Начались танцы. Вечер понемногу шёл своим чередом, музыка перемежалась угощениями от шеф-повара и речами, которые произносили наиболее известные из присутствующих. Постепенно развлекательная часть подходила к концу. Почтенные отцы семейств со своими домочадцами стали направляться к выходу, мужчины жали руку князю, многие выписывали чеки на пожертвования фонду помощи военным. Офицеры стали провожать понравившихся им дам. Я тоже не отказал себе в удовольствии проводить до подъезда семейство почтенного графа Михаила Воронцова. Видимо, я произвел неплохое впечатление, так как, закрывая дверцу кареты, получил приглашение на приём в их дом на следующей неделе. Вдохнув пару раз полной грудью свежий вечерний воздух, я направился обратно в зал.

Глава 2

Я прошёл холл и поднялся по лестнице, ведущей в главную залу, на второй этаж. На верхней площадке я встретился с Олсуфьевым, и мы разговорились о всяких пустяках. Внизу стоял Брюсов, видимо, дожидаясь важной персоны, чьего посещения так ожидал князь Вышатов. Секретарь провожал одного из посетителей. Но, как только он закрыл за ним дверь, она снова с шумом распахнулась, и в холл вошёл мужчина. Не говоря ни слова, он быстро направился к лестнице.

– Что вам угодно, сударь? – спросил Брюсов, к которому вошедший очутился спиной. В ответ на это незнакомец лишь ускорил свои шаги.

– Сударь, я к вам обращаюсь! – повысил голос дворецкий, однако, посетитель вновь не обратил на его слова ни малейшего внимания. Брюсов бросился вслед за незнакомцем и схватил его за плечо, но тот, со злобным рыком, вывернулся из рук Брюсова и теперь уже бегом бросился к лестнице, ведущей в зал. Мы с Федотом побежали вниз, чтобы помочь справиться с незванным гостем, но нас опередил секретарь. Обернувшись на шум и увидев неудачную попытку Брюсова остановить незнакомца, он кинулся ему наперерез и успел схватить как раз тогда, когда тот подбежал к первым ступеням. Не удержавшись на ногах, оба кубарем покатились по полу. Незнакомец, работая руками и ногами, сумел освободиться от хватки секретаря и явно намеревался задать ему жару, уже занеся руку для удара, но подоспевшая подмога в составе Брюсова, Федота и меня, кардинально изменила расстановку сил. Брюсов схватил незнакомца за руку, и все вместе мы оттащили его в сторону.

– Я вас ещё раз спрашиваю, кто вы такой и что вам угодно, сударь?! – снова спросил дворецкий. Незнакомец попытался вырваться из наших рук, что ему не удалось и, на сей раз, он вынужден был ответить на заданный вопрос.

– А ты что?! – прокричал он дворецкому. – Что, не узнаёшь меня?!!

– Ах вот оно что? Снова вы, господин Бехтерев, – вглядевшись в лицо незнакомца, с недовольством произнёс тот.

Услышав фамилию, я внимательнее взглянул на буяна, которого мы скрутили. Ещё стоя на верхней площадке лестницы, я подумал, что этого человека я знаю. Теперь же я мог четко разглядеть Григория Бехтерева, моего бывшего сослуживца, поручика нашего Московского гренадёрского полка, о котором мне рассказал Лядов, называя его «бедолагой» из-за какой-то неудачной любовной истории. Правда, прозвище «бедолаги» на данный момент ему совершенно не шло. Он продолжал с такой яростью дёргаться, стараясь вырваться из наших рук, что мы втроём еле удерживали его на месте, а безумный огонек, игравший в его глазах, навёл меня на вполне определенные подозрения.

– Значит снова вы, господин Бехтерев? – повторил дворецкий. – Объяснитесь, в чем дело? Что вы хотите?

– А ну пусти меня в дом!!!

– Сегодня, как вы знаете, у князя приём, и вход только по приглашениям, и, даже если оно у вас есть, я не могу пустить вас после того, что произошло.

– Приглашение? Да плевал я на все ваши приглашения... Мне прислали приглашение... А ну, пустите меня!!! – Бехтерев снова сделал отчаянную попытку вырваться из наших рук.

– Яков Александрович, да выгоните вы его вон! – это произнес секретарь, и, обернувшись на его голос, мы увидели, что он пострадал в схватке гораздо серьезнее, чем показалось на первый взгляд. Из губы сочилась тонкая струйка крови, а на скуле постепенно проступал громадный синяк. Ипполит поднялся с пола и подошёл к нам.

– Его надо выставить вон! – повторил он, – Подумайте сами, что будет, если его увидит князь или кто-нибудь ещё из гостей, это же скандал! Да вы только посмотрите, в каком он

состоянии! Помогите мне, господа, – он схватил Бехтерева за руку и потянул его в сторону выхода, однако Брюсов отстранил его.

– Успокойтесь, Ипполит! – строго произнёс он. – Я понимаю, что вы находитесь в возбуждённом состоянии после стычки, но всё равно вы не имеете права превышать свои полномочия. Во-первых, вы в порядке? Нужен доктор?

– Не нужен мне доктор, – ответил Ипполит, вытирая ладонью кровь со своего лица, – решайте быстрее, что делать. Мы же не можем торчать здесь с ним в прихожей. Что будет, если сейчас выйдет кто-то из гостей и увидит, что в доме князя Вышатова поймали какого-то одержимого. Выгоните его, Яков Александрович, выгоните! Я уверен, его превосходительство полностью одобрит ваши действия.

– Ах ты, мерзавец!!! – прорычал Бехтерев и попытался вновь броситься на секретаря, но, хотя Брюсов и оставил нас вдвоем, подойдя к Ипполиту, мы с Федотом смогли удержать его на месте.

– Но я, право, не знаю, что предпринять, – развёл руками дворецкий, – господин Бехтерев ведёт себя явно вне рамок приличного общества, но не можем же мы выгнать из дома князя Вышатова, председателя фонда помощи ветеранам армии Его Императорского Величества, офицера этой самой армии. Может, лучше проводить его на кухню, а потом решим что делать?

– Да вы что, – воскликнул Ипполит, – посмотрите, его же нельзя оставить без охраны, это же просто безумец.

– В чем дело, господа? – прогремел властный голос. Мы повернули головы и увидели спускающегося к нам по лестнице князя Вышатова.

– Ну вот, дождались, – прошептал на ухо дворецкому Ипполит, – надо было выпроводить его по-тихому и всё.

Брюсов шагнул навстречу хозяину.

– Ваше превосходительство! Дело в том, что, когда я спустился для встречи нашего высокого гостя, в дом ворвался господин Бехтерев.

– Бехтерев?

– Да. Он избил Ипполита, но, как видите, с помощью этих двух господ нам удалось его задержать, и я, право, в затруднении что делать. Вообще-то, его надо выпроводить вон, но, учитывая обстоятельства и то, что с минуты на минуту прибудет наш гость, я подумал, что, может, лучше проводить его на кухню. Ваше превосходительство понимает меня...

Князь Вышатов подошёл вплотную к Бехтереву, которого мы с Федотом продолжали держать за руки.

– Я думаю, вы можете отпустить его, господа. А вам, господин поручик, я хочу повторить, причём, в последний раз. Все вопросы между нами решены, и, если вы будете вести себя по-прежнему, то на мою снисходительность можете больше не рассчитывать.

– Может, это и ваше мнение, ваше превосходительство, – запинаясь, заговорил в ответ Бехтерев, – но вы не имеете права... и вы не сможете помешать госпоже...

– Молчать!!! – рявкнул князь. – Я не приказываю выкинуть вас на улицу только из уважения к вам, как к офицеру. А сейчас пройдите на кухню, придите в себя и потом извольте покинуть мой дом. Яков Александрович, проводите его.

Поручик в сопровождении дворецкого направился к двери, ведущей в служебные помещения.

– Ипполит Фёдорович, – обратился князь к секретарю, – в таком виде вам сегодня больше не следует появляться среди гостей. Идите к себе и займитесь своими синяками.

Тот кивнул головой и последовал вслед за дворецким.

– Господа, – князь повернулся к нам, – прошу прощения, что в моём доме вы стали свидетелями столь неприятной сцены, а также, надеясь на вашу скромность, прошу вас не распространяться о случившемся.

Мы кивнули в знак согласия. Мы и предположить не могли, что очень скоро о происшедшем узнает довольно много людей и без всякого нашего участия.

– Я помню ваши лица, но, признаться, не припоминаю ваших имен.

– Военный инженер капитан Важин.

– Корнет Олсуфьев.

– Я прошу вас господа, пока поручик в доме приглядите за ним.

– Понятно, ваше превосходительство. Постараемся сделать все, что в наших силах.

– Благодарю. И ещё. Мы ждем очень важного гостя, он прибудет с минуты на минуту.

Подежурьте здесь, в холле, во избежание ещё каких-нибудь сюрпризов. Якова Александровича я сейчас пришлю для встречи. Этот визит очень важен для меня и нашего фонда. Перед этим посетителем, впрочем, как и перед любым другим, нельзя запятнать чем-либо недостойным имя нашего фонда и честь русского офицера. Это недопустимо, господа!

Князь величественно кивнул нам головой, поднялся по лестнице и вошёл в залу.

Глава 3

– Пуфф..., – фыркнул Федот, – неплохая разминка на званом вечере, правда, Важин?

– Да-а! Уж такого я здесь не ожидал. А что за история с Бехтеревым? Лядов мне сегодня рассказал, что тот попытался посвататься к девушке знатного рода, но её отец и слышать об этом не пожелал, и от этого он чуть ли не с ума сходит?

– Пуфф..., – Федот снова фыркнул. – Ох уж этот наш Игнатий! Говорит, как будто сказку читает: бедный пастушок полюбил дочь знатного боярина, но злодей отец встал на пути их чувств, и пастушок принимается с горя пить вино бутылками и буянить во всех притонах Москвы. Кстати, ты обратил внимание...

– Да, обратил. Судя по его внешнему виду, тут дело не только в вине. Не удивлюсь, если выяснится, что он пристрастился к опиуму или ещё чему-либо подобному.

– Да, ты прав. Григорий попал под влияние этой заразы. Ходит в какие-то притоны, курит там этот опиум, и кто его разберёт, что он ещё там принимает! И никто не знает, что с этим можно поделаться. А насчёт этой истории... Во-первых, я так понимаю, ты не в курсе, что знатная особа – это Мария Владимировна Вышатова, дочь нашего князя-благотелья.

– Нет.

– А во-вторых, чувства там были не столь идиллическими. Конечно, самого князя можно назвать образцом благородства и честности, но его дочь этими качествами уж точно не обладает. Вообще-то, единственным положительным качеством Мари Вышатовой является её внешность. Она очень красива! И ещё эта её манера премило вести разговор, когда после десяти минут общения с ней ты оказываешься всецело в плену её чар и не можешь понять, как это раньше ты мог обращать внимание ещё на кого-то, кроме этого прекрасного воздушного создания. Но саму княжну интересуют только титул и состояние того мужчины, с которым она разговаривает. Мне кажется, в голову этой девушки крепко засела мысль – выйти замуж за какого-нибудь принца крови с состоянием не меньше, чем в миллион рублей. И понятно, что старина Григорий Бехтерев под эту характеристику никак не подходит. У него есть годовой доход в несколько тысяч рублей, он владеет какими-то историческими развалинами в Новгородской губернии, и может прибавлять к своему имени титул графа чего-то там, уж не помню чего, но в глазах княжны Марии Владимировны это просто пустой звук. Так что Бехтерева она очаровала, можно сказать, по привычке и, недолго покрутив с ним роман, решила расстаться, направив свое внимание на кого-нибудь более выгодного в плане титула и денег. Так что запрет строгого родителя на чувства дочери существует только в фантазиях самого Бехтерева.

– Вот как. Но только что князь говорил с ним отнюдь не спокойным тоном.

– Естественно. Ведь тот вообразил, что князь – главное препятствие на пути к его мечте, и ведёт себя с ним соответствующе. Его выходка, которую мы видели сегодня, отнюдь не первая в таком стиле.

– Я не понимаю, чего он добивается? Если он получил отказ, какой смысл буянить и портить себе репутацию?

– Для человека, у которого в голове правят вино и опиум, слова «смысл» и «репутация» значат немного.

– Согласен.

– А потом, мне кажется, что госпожа Вышатова немного побаивается неуравновешенного характера нашего друга, ведь у Бехтерева и без его пристрастия к опиуму и выпивке характер отнюдь не покладистый.

– Да. Когда мы служили, он часто лез на рожон. Помнишь, когда у нас в полку устраивалось соревнование по борьбе, мы с ним были в паре. Я тогда победил, но, смею тебя уверить, справиться с ним было весьма нелегко.

– Вот-вот, именно так. В любом вопросе, если Бехтерев упрётся, справиться с ним нелегко. И у Мари Вышатовой, как я понимаю, нашла коса на камень. Она рассчитывала отделаться от него быстро и легко, но Григорий Бехтерев вбил себе в голову, что она – его избранница, дама сердца, единственный свет в окошке и не желал верить, что он только одна из многих её жертв. И вот тут-то, я думаю, она и сказала ему, что, возможно, была бы рада связать с ним свою судьбу, но отец против их знакомства, и им лучше расстаться, поскольку она никогда не пойдёт против воли родителя. В общем, не зная как отделаться от слишком навязчивого поклонника, и, по-моему, побаиваясь его диких вспышек гнева, переложила проблемы на плечи своего папеньки.

– А почему ты так считаешь?

– Я только предполагаю, что, примерно, так и было.

– Да, жалко парня. Хотя он обладатель и не самого лучшего характера и мог бы вести себя поумнее в этой истории, он не заслуживает того, чтобы окончательно потерять положение в обществе.

– И я, и более близкие друзья пытались отвести его от этих вредных пристрастий, да всё без толку. А после нескольких скандалов, которые он устроил, многие стали смотреть на него, как на полупомешанного. Ты прав. Григорий Бехтерев находится на грани краха своего положения в обществе, да и на грани помутнения своего рассудка тоже.

– А что за скандалы?

– Ну и ну! Видно, с тех пор, как ты познакомился с господином Кромовым, кстати, передай ему от меня привет, ты совсем перестал интересоваться тем, что происходит в свете или хотя бы в нашей офицерской среде, и всё больше размышляешь о готических шрифтах и происхождении изящной словесности.

– Ты прав. Со времени знакомства с Кромовым я здорово расширил свой кругозор в ранее не интересных для меня сферах, а так же много узнал о жуликах, аферистах и убийцах из картотеки Департамента полиции.

– Я боюсь, что скоро выходки Бехтерева тоже могут стать достойны помещения в картотеку Департамента полиции. Совсем недавно он высказался в том духе, что если он расправится с князем, то Мария Владимировна, унаследовав его состояние и став свободной от родительской опеки, сможет сама решать свою судьбу. Каково?

– Ничего себе! Неужели дочь его превосходительства столь обаятельна, что может так обворожить мужчину?

– Я был представлен госпоже Вышатовой, и, признаться, она мне понравилась. Но узнав, что весь список моих титулов и званий заключен во фразе «поручик Московского гренадёрского полка армии Его Императорского Величества», она тут же потеряла ко мне всякий интерес, так что ощутить на себе в полной мере воздействие её чар я не успел. Так что не опасайтесь княжны Вышатовой Важин. Если вам доведётся познакомиться с ней, представьтесь сразу: отставной капитан, ходящий в службу по военно-инженерной части, и тогда быть объектом внимания княжны Марии Вышатовой вам точно не грозит.

– Спасибо, успокоили, – усмехнулся я, – а что его превосходительство?

– Шумиха вокруг его дочери ему, понятно, не нравится, хотя я считаю, он прекрасно понимает, что у неё за характер, и не прочь быстрее выдать её замуж. Но вы же знаете старика. Всё, что касается семьи, – дело чести, все, что касается звания офицера, – дело чести, и он будет стоять на этом всегда. Сохранить лицо, не пасть в глазах общества для него – главное, поэтому никогда его превосходительство не подаст вида, что вокруг него происходит что-то, не отвечающее его понятиям о приличиях.

На этом нам пришлось прервать разговор, так как около входных стеклянных дверей остановилась карета с императорским гербом на дверце. Брюсов вышел на улицу встречать посетителя. Из кареты вылез толстый господин, во фраке с широкой лентой через плечо, а

следом за ним показался Лядов с небольшим футляром в руках. Вслед за ними мы с Федотом поднялись по лестнице к главной зале, где находились оставшиеся гости.

– Обер-камергер двора Его Императорского Величества князь Долгоруков, – торжественно провозгласил Брюсов.

Собрание зааплодировало, князь Вышатов пошёл навстречу гостю. Его превосходительство князь Вышатов и его высокопревосходительство князь Долгоруков долго и величественно раскланивались друг с другом посреди зала, после чего хозяин взял сиятельного посетителя под руку и проводил во главу стола.

– Дамы и господа! – обратился князь Вышатов к собравшимся, – прошу вашего внимания. Большая часть нашего вечера уже прошла, но напоследок у нас подготовлено чрезвычайно важное сообщение, имеющее огромную роль для нашей организации. Прошу вас, ваше высокопревосходительство.

Князь Долгоруков поднялся со стула, разгладил свои моржовые усы и, выпитив на собравшихся свой живот, туго перетянутый алой лентой, стал держать речь:

– Дамы и господа! Я рад сообщить вам, что деятельность благотворительного фонда, возглавляемого князем Вышатовым, не осталась незамеченной в высших кругах власти нашей страны. Желая оказать свою поддержку и продемонстрировать публично своё внимание к делам фонда, а также в знак того, что отныне фонд находится под опекой императорского дома, мне сегодня поручено сделать в активы фонда ценное подношение, – обер-камергер махнул своей короткой ручкой в сторону Лядова, и тот поставил перед ним на стол футляр.

– Представляю вашему вниманию алмаз «Звезда Бенгалии», – он снял крышку, и нашему взору предстал огромный сверкающий алмаз размером чуть ли не с теннисный мяч. У присутствующих вырвался восторженный вздох.

– Данный алмаз, – продолжал обер-камергер, – официально передаётся императорским домом, который я в данный момент представляю, фонду помощи ветеранам русской армии, дабы он служил порукой благосостояния данной организации, а также фонду разрешено использовать его как гарант при финансовых займах.

Снова раздались восхищённые вздохи, аплодисменты и восторженные возгласы. Ко мне подошёл Дормидонтов.

– Ну как? – его лицо буквально сияло от самодовольства. – Впечатляет?

Я кивнул головой.

– Славно поработали, капитан, – повернувшись к нам, сказал Уваров. – Вам удалось заручиться весьма высокопоставленным покровительством. А что за алмаз? Какой-нибудь сутяга стащил его на Востоке?

– Уваров, Уваров, – покачал головой капитан, – всегда-то вы предполагаете худшее. Насколько я знаю, алмаз – это подарок одного восточного правителя русскому правительству за защиту от собственных подданных, которые хотели бы видеть его в тюрьме, а не во дворце.

– Это, конечно, более благородно.

– Это политика, дружище, и не нам её исправлять.

Уваров вздохнул и пожал плечами.

– На старые добрые нравы в политике я уже давно не рассчитываю, – проговорил он в ответ.

Глава 4

Среди общего восторга меня не оставляло беспокойство в связи с происшествием с поручиком Бехтеревым. Я попытался ещё раз поговорить с Федотом, но он всё время крутился в группе людей, которая образовалась вокруг обоих князей, рассматривая и обсуждая алмаз. Тогда я подошёл к Брюсову.

– Где Бехтерев, Яков Иванович? Несмотря на то, что он вроде успокоился, меня сильно волнует его состояние. Опасаюсь, как бы он не натворил дел.

– Он, должно быть, на кухне. Я проводил его туда, а потом вернулся в зал.

– Так он там один?

– Нет. Туда периодически заходят две наши служанки за угощением для гостей и когда убирают посуду.

– По-моему, неразумно оставлять его практически без надзора. Я пойду, проведу, как он там.

– Я провожу вас, следуйте за мной.

Вслед за Брюсовым я прошёл через зал к боковой двери. Сначала мы попали в небольшой, почти квадратный, тамбур, в противоположной стороне которого располагалась дверь, ведущая в кухню. Войдя на кухню, мы увидели следующую картину. Григорий Бехтерев стоял у противоположной нам стены и смотрел в окно, которое выходило во внутренний двор. Две служанки, испуганно поглядывая на незваного гостя и стараясь в своих передвижениях по кухне держаться от него подальше, ставили на подносы блюда и тарелки.

Я подошёл к Бехтереву и тронул его за плечо. Он повернул голову. От выражения его лица я чуть было не отпрянул назад. Мои надежды, что случай на лестнице был единичной вспышкой ярости, разлетелись вдребезги. В его глазах сверкало безумие, а все тело было напряжено, как будто он хотел броситься на меня.

– Здравствуйте, Бехтерев, – обратился я к нему, – вы меня не узнаете? Мы с вами вместе служили в гренадёрском полку.

Мои слова остались без ответа. Бехтерев смерил меня взглядом с ног до головы и снова стал смотреть в окно. Я подошёл к дворецкому и двум служанкам, которые тихо переговаривались в другом конце кухни.

– Яков Иванович сказал нам, что вы раньше служили с этим ненормальным, – испуганно затараторила обращаясь ко мне одна из них, которая выглядела постарше и посерьёзней, – конечно, это была очень умная мысль оставить нас с Дуняшей наедине с этим помешанным. Уж коли Ипполит отправился к себе приводить свою физиономию в порядок, то хоть вы бы могли остаться здесь, господин Брюсов, а не бежать по своим обязанностям, – обратилась она к дворецкому.

– Дарья! Вы же знаете, какая важная персона посетила Набережный дворец! Я обязан был быть в зале, и прекратите мне дерзить!

– Конечно! Встреча вашего господина с царским гербом на пузе для всех в доме куда как важнее, чем судьба каких-то там двух служанок!

– Хорошо, хорошо, Дарья, прошу вас, успокойтесь. Я несколько погорячился, но и вы возьмите себя в руки.

– Извините меня, вам конечно виднее, но оставлять этого, – она кивнула головой в сторону моего бывшего сослуживца, – под присмотром меня и Дуняши? Могли бы придумать что-нибудь и получше! Мы даже не знаем, может быть, он вооружён, а что творится у него в голове? Так вот, – Дарья вернулась к разговору со мной, – что вы о нём скажете? Как, по-вашему, он не опасен? Нас с Дуняшей прямо дрожь пробирает от того, что приходится находиться с ним в одной комнате. По-моему, у него взгляд совершенно безумного человека.

– Смею вас уверить, – ответил я, – что господин Бехтерев не безумец. Но на данный момент он находится в таком состоянии, что, почти наверняка, полностью не контролирует свои действия, и я считаю, что нам необходимо кое-что предпринять.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил дворецкий.

– Я хочу сказать то, что ваш хозяин, князь Вышатов, к которому, насколько я знаю, господин Бехтерев испытывает отнюдь не дружеские чувства, находится в зале, отделённой от этой кухни лишь двумя дверьми и коротким коридором. Поэтому я считаю, что необходимо...

– Ой!!! – вторая служанка так неожиданно ойкнула, что мы вздрогнули. Это была молоденькая, невысокого роста девушка. В отличие от серьёзной Даши, она имела какой-то просто-душно-наивноватый вид, а при разговоре часто хихикала, прикрывая рот ручкой, при этом на щеках у неё образовывались две ямочки. Сейчас же она обводила нас взглядом и показывала пальцем куда-то мне за спину.

– Господа, посмотрите, по-моему, он нас подслушивает! Мы обернулись. Бехтерев уже не стоял, уставившись в окно. Он сидел на стуле вполоборота к нам и, кажется, действительно прислушивался к нашему шепоту на другом конце кухни. Я сделал знак, чтобы дворецкий и служанки наклонились ко мне поближе.

– У вас есть в доме аптечка?

– Да.

– Так. Покажите мне, где она, я подберу какое-нибудь успокаивающее, а потом мы подумаем, как заставить его это выпить. А пока надо не спускать с него глаз.

– Моя обязанность, – заявил Брюсов, расправляя плечи и выпрямившись во весь свой немаленький рост, – присутствовать при отъезде его высокопревосходительства князя Долгорукова. Если меня там не будет, это полное нарушение правил этикета.

– Вот как, господин Брюсов! – снова взвилась на него Дарья, – значит, вы опять хотите оставить нас с ним одних? Ну, уж нет! Мы больше с ним не останемся, правда, Дуняша?

– Да, господин Брюсов, – подтвердила Дуняша, – тем более что раньше он стоял и смотрел в окно, а теперь сидит и глядит в нашу сторону.

– Яков Иванович, – вмешался я, – побудьте здесь пару минут, Дуняша покажет мне, где у вас хранятся лекарства, и я сразу вернусь.

– Но, сударь мой, с минуты на минуту князь Долгоруков покинет дворец, моё отсутствие при этом недопустимо, мой хозяин будет гневаться, он очень щепетилен в вопросах этикета.

Я не знал, что делать, но тут дверь отворилась, и в кухню вошёл секретарь.

– Ой, Ипполит! – Дуняша повернулась к нему и хихикнула по своему обыкновению. – Само провидение послало вас к нам на помощь. Ипполит, будьте рыцарем и не бросайте двух девушек на растерзание чудовищу.

– Отлично! – сказал Брюсов. – Ипполит вам поможет, а мне нужно идти, – повернувшись, он удалился.

– Пойдёмте, – сказала мне Дарья, – я провожу вас.

Я подошёл к Ипполиту.

– Хорошо, что вы вернулись.

– Признаться, я очень волновался из-за того, что этот человек находится в доме, – сказал секретарь, с опаской глядя в сторону Бехтерева. – Поэтому я и пришёл. Нам надо что-то предпринять, чтобы заставить его покинуть дом. Просто представить себе сложно, что он может натворить! – от волнения Ипполит даже схватил меня за руку.

– Не волнуйтесь, – попытался я его успокоить, – у меня есть следующий план. Я схожу за успокоительным, а потом какой-нибудь хитростью заставлю Бехтерева выпить его. Вы же побудете здесь. Он сейчас не в себе, так что будьте осторожны. Постарайтесь не вызывать ничем его раздражения и не выпускайте его из этой комнаты. Впрочем, я кое-что придумал, сторожить его одному вам долго не придётся.

Секретарь не очень уверенно кивнул мне в ответ и с опаской посмотрел в сторону Бехтерева. Вообще-то, его сложение не располагало к мысли, что в случае чего он сможет долго противостоять нападению, но другого выбора не было, и Ипполит занял свой пост у двери.

– Пойдемте, господин Важин, – сказала Дарья.

– Да, проводи его, Дарья, – заявила Дуняша, присаживаясь на стул рядом с Ипполитом, – а я останусь под защитой нашего рыцаря.

Мы пересекли коридор, и вышли в залу. Вечер подходил к концу. Алмаз «Звезда Бенгалии», водруженный на небольшой постамент, по-прежнему приковывал к себе внимание гостей, однако, большая их часть собралась вокруг князя Долгорукова и беседовавшего с ним князя Вышатов. За спиной своего хозяина застыл прямой как палка Брюсов. Я оглядел зал в поисках Лядова. К своей радости я увидел его, беседующим с Дормидонтовым, рядом с постаментом, на котором лежал алмаз, и поспешил к ним.

– Сударь, – говорил Лядов, – я выполнил все свои обязанности, алмаз доставлен в целости и сохранности, могу я быть свободен на сегодняшний вечер?

– Да будет тебе! – Дормидонтов развалился в кресле явно в благодушном расположении духа, – сейчас уйдут все эти чинуши, мы ещё посидим в своём кругу, обсудим кое-какие вопросы, которые касаются и тебя. Теперь с этим красавцем, – он кивнул головой в сторону алмаза, – у нас будет много забот, в том числе и в плане безопасности.

– Извините, ваше благородие, я все-таки прошу разрешения уйти. У меня тоже..., то есть я хотел сказать, что мои проблемы..., то есть я, конечно, сделаю, что положено, но в данный момент я хотел бы...

– Ну ладно, – Дормидонтов недовольно махнул рукой, – иди, коли тебе так хочется.

Капитан повернулся ко мне и, как мне показалось, хотел опять начать хвастаться их с князем достижениями, но мне нужен был Лядов, и, извинившись перед капитаном, я бросился за ним к выходу. Догнал я его только на лестнице, когда он уже выходил на улицу.

– Эгей, Игнат, подожди! – крикнул я ему с верха лестницы, однако он, надев шляпу, вышел из дома, хотя, так мне, по крайней мере, показалось, должен был слышать, что я его зову. Такой оборот дел меня расстроил. Я хотел попросить его пройти на кухню в помощь Ипполиту, физической силы которого в противостоянии с Бехтеревым было явно недостаточно, теперь же мне только оставалось побыстрее вернуться туда самому. Дарья проводила меня в комнату, где стоял ящик с лекарствами и настойками. Покопавшись в нём, я нашёл несколько настоек, которые должны были остудить воинственный пыл нашего поручика, и поставил их на поднос.

– Но как мы заставим его их выпить? – спросила служанка.

– Вот что, Даша. Принесите мне бу тылку вина, два бокала и что-нибудь из еды. В бокале, предназначенном для Бехтерева, разведём настойку. Я ещё раз попробую его разговорить, предложу выпить, может быть, и получится.

Дарья собрала требуемое на поднос, мы разлили вино по бокалам и в одном развели настойку. Только она подняла поднос, собираясь идти с ним на кухню, как в комнату вошёл Брюсов.

– Дарья, вот вы где! Поставьте поднос и быстро идите со мной. Князь Долгоруков покидает бал, он произносит заключительную речь. Надо разливать и разносить напитки для заключительного тоста. Вы срочно нужны в зале. Пойдёмте! – и, схватив Дарью за локоть, он увёл её из комнаты.

Мне пришлось самому взять поднос и пойти с ним на кухню. Честно говоря, мне не хотелось дефилировать по парадной зале перед гостями с подносом, на котором стояли бутылка вина, два наполненных бокала и кусок паштета, поэтому перед тем, как туда войти, я приоткрыл дверь и оценил обстановку. Мне повезло. Тот самый заключительный тост, за который так беспокоился Брюсов, видимо, был уже произнесён, князь Долгоруков уходил с бала в окружении почтительных чиновников, и эта группа к моменту, когда я приоткрыл дверь, уже спуска-

лась по лестнице вниз. В зале оставались лишь князь Вышатов и двое-трое офицеров, которые расселись за столами около постаментов, на котором по-прежнему сверкал подаренный алмаз. Воспользовавшись благоприятным моментом, я вошёл в зал и быстро пересёк его по направлению к двери, ведущей в коридор перед кухней.

Войдя в дверь и закрыв её за собой, я обернулся, намереваясь по коридору пройти в кухню, но застыл на месте, пораженный развернувшимся передо мной зрелищем. Дверь в кухню была распахнута настежь, рядом с ней стояла Дуняша и ойкала, прижав руки к губам. В самом же проёме двери разворачивалась, видимо, уже заключительная сцена поединка между поручиком Бехтеревым и многострадальным секретарём. Судя по всему, Бехтерев напал на него незадолго до того, как я вошёл, и победа его была очевидна. Ипполит из последних сил цеплялся за дверную коробку, стараясь загородить собой проход, но тут его противник нанес ему столь сильный удар, что он отлетел в сторону и упал на пол коридора.

– Ой-ой-ой, – заверещала Дуняша, глядя на своего поверженного защитника.

Бехтерев перескочил через упавшего секретаря и бросился по коридору в мою сторону. Признаться в следующее мгновение я не проявил себя с лучшей стороны. Стоя с руками, занятыми подносом, я представлял собой хорошую цель для нападения, чем Бехтерев и не преминул воспользоваться. Он с такой силой толкнул меня, что поднос вылетел у меня из рук, а сам я упал спиной на дверь. Она распахнулась под моим весом, и я, с грохотом опрокинув какую-то тумбу, вывалился в зал. Через секунду с не меньшим грохотом на меня упал поднос вместе с бутылкой, бокалами и блюдом с паштетом, приготовленными мной для обмана Бехтерева. Он же перескочил через меня, как ранее через секретаря, и бросился к сидящим за столом.

Князь Вышатов стоял возле постаментов с алмазом и, видимо, опять произносил какую-то речь. Дормидонтов, уже изрядно захмелевший, развалился в кресле. Уваров и Гриневский сидели за столом, а мой приятель Федот Олсуфьев находился в другом конце зала рядом с Брюсовым, у лестницы ведущей вниз.

Бехтерев огромными прыжками подбежал к первому ряду столов и, перескочив через него, бросился к князю. Я ожидал, что Бехтерев вот-вот обрушит на него сильнейший удар или выхватит какое-то спрятанное у него в одежде оружие, но тот пробежал мимо, схватил с постаментов алмаз, перескочил второй ряд столов, стоявший у противоположной стены, и скрылся за дверью, ведущей во внутренние помещения дворца.

Глава 5

В зале повисла тишина. Все с недоумением переглядывались друг с другом.

– О, боже мой! – раздался за моей спиной голос. Ипполит стоял в дверном проёме и глядел в зал. – Боже мой, он украл алмаз!

В зале продолжалась немая сцена. Брюсов, стоявший у входа, поворачивал голову то на лестницу, то в зал, пытаясь определить, видел ли князь Долгоруков и толпящиеся вокруг него чиновники случившееся или нет. Однако тот уже спустился по лестнице и, видимо, выходил из дверей, так что, скорее всего, ни он, ни другие окружавшие его люди не могли видеть того, что произошло в зале. Федот Олсуфьев стоял возле Брюсова со своим обычным беззаботным выражением на лице, и я не мог определить, поразило или позабавило его происшедшее. Князь Вышатов и Дормидонтов были совершенно сбиты с толку. Оба переводили взгляд с опустевшего постамента на нас с Ипполитом и Дуняшей, только у капитана взгляд был растерянный, а у князя – гневный. Наконец, Уваров и Гриневский, сидевшие за столом, видимо, решили, что присутствуют при каком-то розыгрыше или представлении. Они с улыбками озирались по сторонам, явно не понимая, что в действительности произошло. Паузу нарушила Дуняша, хихикнув по своему обыкновению. В нависшей тишине это получилось довольно громко, что и вывело присутствующих из оцепенения.

– Что это такое!? Господин Важин, Ипполит, зачем вы его сюда пустили!? Что это вообще всё значит?!

– Ваше превосходительство! – ответил Ипполит, – мы не пускали, он прорвался, он отбросил в сторону меня и господина Важина. Он украл, он украл алмаз!!! – секретарь чуть было не сорвался на крик.

– Яков Иванович, – обратился князь к дворецкому, – князь Долгоруков и остальные это видели?

Брюсов оглядел холл на первом этаже.

– Нет, они уже ушли.

В это время дверь, за которой скрылся Бехтерев, отворилась. Мы повернулись в ту сторону, ожидая увидеть поручика, однако, в дверях стояла служанка Дарья.

– Дарья, вы видели господина Бехтерева?

– Да, сударь. Я шла по коридору, он выбежал из этой двери и пронёсся мимо меня с совершенно безумным выражением на лице, а в руке у него был алмаз.

Все вскочили и бросились к двери, за которой скрылся наш бывший сослуживец. Я думаю, стоит описать ту часть Набережного дворца, где мы очутились, преследуя похитителя. Если главный фасад дома выходил на широкий проспект, то эта часть выходила окнами на короткую улицу, примыкавшую к проспекту под прямым углом. Широкий коридор, начинавшийся сразу за дверью, в которую мы вбежали, шёл вдоль всего второго этажа здания. Ряд окон слева выходил на улицу, справа были три двери, ведущие, как я потом узнал, в кабинет, а так же в помещения князя и княгини Вышатовой. Окна этих комнат выходили во двор. В конце коридора был холл, в который выходили двери двух комнат, принадлежавших дочери его превосходительства княжне Марии Владимировне, столь нелестную характеристику которой дал мой приятель Олсуфьев, и широкая лестница, ведущая на первый этаж. На первом этаже был холл, две двери из которого вели в столовую и библиотеку, две – в помещения для слуг, одна – во внутренний двор.

Когда мы вбежали в коридор, он был пуст. Мы осмотрели ближайшие помещения. Кабинет князя был закрыт, в остальных комнатах никого не было.

– Господа, – обратился к нам князь, – в этом крыле дома сейчас никого нет. Я прошу вас, осмотрите всё, найдите этого безумца. Его необходимо найти.

– Но, может, он уже убежал на улицу, – возразил я. – У него перед нами было преимущество где-то в полторы-две минуты.

– Извините, сударь – сказал мне Брюсов, – господин Бехтерев вряд ли сможет выйти из этого крыла дома на улицу. Единственная дверь во двор на первом этаже, но она заперта. На окнах первого этажа стоят решётки, остаются окна второго этажа, но здесь довольно высоко, и дверь в главную залу, через которую мы только что вошли.

– А дверь во двор сегодня закрыта? – спросил князь.

– Да. Захар, сказал мне, что около нашего двора видел каких-то подозрительных личностей, поэтому на сегодня я решил запереть дверь.

– Дверь прочная? – спросил я.

– Да. На первом этаже стоит двойная дверь.

– Хватит вопросов, Важин, – вмешался Дормидонтов, – разбиваемся на группы по двое-трое и ищем этого идиота. Вперёд! Эй, Бехтерев, эй, где ты?

Мы осмотрели все помещения на первом и втором этаже, но никого не нашли.

– Куда он мог спрятаться? – спросил Олсуфьев, когда мы с ним и Уваровым во второй раз проходили по коридору второго этажа, заглядывая в шкафы и за портьеры.

– Не знаю, – сказал Уваров. – Остаётся предположить, что он выпрыгнул в окно.

Мы стали осматривать окна коридора второго этажа. На первых семи мы не нашли ничего подозрительного, они все были заперты, замки не взломаны, но рама восьмого по счёту окна была не заперта и немного приоткрыта внутрь. Уваров дёрнул её на себя и открыл окно. Шум улицы хлынул в дом. Выглянув наружу, мы увидели, что на проезжей части прямо под нами, видимо, столкнулись два экипажа, и кучера обоих отчаянно ругались друг с другом, одновременно стараясь расцепить запутавшуюся упряжь и освободить дорогу. Вокруг стояло несколько прохожих, а городской старался утихомирить спорщиков и водворить порядок. Мы поискали взглядом поручика, но его нигде не было видно.

– Эй, любезный! – крикнул Уваров городовому. – Что произошло?

Тот поднял голову.

– Столкнулись два экипажа, к счастью, никто не пострадал.

– Давно?

– Около десяти минут назад.

– Скажите, – вмешался я, – в течение времени, что вы здесь, из этого окна никто не выпрыгив...

Я не успел договорить, так как кто-то с силой оттянул меня от окна. Я обернулся и увидел Дормидонтова.

– Вы в своем уме, Важин? Вы на всю улицу собираетесь спрашивать, не выпрыгивал ли вор из дома князя Вышатова? Придумайте, как спросить его по-другому.

Уваров снова выглянул в окно.

– Любезнейший, – снова обратился он к городовому, – в доме пропала папка с важными документами, мы опасаемся, что она могла выпасть из этого окна, вы ничего не заметили?

Тот сказал, что ничего подобного не было, и вернулся к своим делам.

– Судя по всему, Бехтерев не покидал дом через это окно, – сказал Уваров.

– А почему оно тогда открыто?

– Брюсов, у вас эти окна всегда держатся запертыми?

– Да.

– А сегодня вы их проверяли?

– Да. Днём перед балом все окна были закрыты.

Тем временем в коридоре собрались все участники поисков.

– Ну, что? – спросил князь.

– Ничего, – развёл руками Дормидонтов. – Мы осмотрели оба этажа, заглядывали во все комнаты, его нигде нет. Здесь открыто окно, но мы выяснили, что через него тоже никто не мог вылезти. Видимо, он залез в какой-то шкаф или забился под кровать. Мы сейчас ещё раз всё тщательно осмотрим и найдём этого субъекта.

Мы снова двинулись на поиски. Дормидонтов, Уваров и я спустились по лестнице в холл первого этажа и стали осматривать все шкафы и ниши. Дормидонтов подошёл к входной двери, о которой я спрашивал Брюсова, открыл первую створку, которая оказалось не запертой, и заглянул в пространство между дверьми.

– Вот ты где! – услышали мы его крик, – А ну, вылезай! Ко мне, господа!

Мы подбежали к двери. Она была двойная, внутренние створки были не заперты, а внешние, как и сказал Брюсов, закрыты на ключ. В пространстве между внешними и внутренними створками и стоял Григорий Бехтерев, бессмысленным взором уставившись на закрытый замок.

– Выходи! – скомандовал Дормидонтов.

Бехтерев повиновался и вышел из своего укрытия в холл. К нам подошли князь Вышатов и остальные.

– Господин Бехтерев! – сказал князь. – Хочу заявить вам, что своими сегодняшними поступками, для оправдания которых я не могу найти объяснений, вы окончательно уничтожили те чувства уважения и снисходительности, которые я, несмотря на наши разногласия, испытывал к вам. После произошедшего я не желаю больше с вами встречаться, и двери моего дома отныне навсегда для вас закрыты! Только потому, что вы носите офицерский мундир, я не собираюсь предавать огласке вашу сегодняшнюю идиотскую выходку. Так что отдайте алмаз!.. Яков Иванович откроет эту дверь, и вы исчезнете с моих глаз навсегда.

Бехтерев молчал.

– Гони алмаз! – не выдержал Дормидонтов. – Заставил нас бегать за тобой по всему дому, так теперь ещё...

– Успокойтесь, капитан! – одернул его князь, – Господин Бехтерев, я жду!

– У меня нет алмаза.

– Что-о-о-о???

– Алмаза у меня нет, – хриплым голосом повторил Бехтерев.

Я поглядел на поручика и подумал, что он не врёт. Алмаз был очень большой, мне он показался размером чуть ли не с теннисный мяч, спрятать его в кармане сложно, со стороны это наверняка было бы заметно.

– Поскольку вы переступили все рамки приличий, – произнёс князь, – я считаю, мы имеем полное право обходиться с вами как с преступником. Дормидонтов, общитесь с ним.

Капитан обыскал Бехтерева, но безрезультатно. Окончив осмотр, он повернулся к князю и покачал головой.

– Господин Бехтерев, вы можете сообщить, где находится алмаз?

В ответ молчание.

– Господа! – обратился князь к нам. – Хотя мне это и весьма неприятно, я прошу вас произвести полный обыск всех помещений и найти алмаз. Пусть Дормидонтов и Олсуфьев останутся здесь и сторожат господина поручика. Остальных прошу отправиться на поиски. Учитывая размеры алмаза, я думаю, будет нетрудно его найти и поставить точку в этой неприятной истории.

Сначала задача показалась нам довольно простой. Мы бросились за Бехтеревым через минуту, максимум полторы, после того, как он скрылся за дверью. Когда мы ходили и искали его по дому, он, скорее всего, все время стоял в своём укрытии между дверьми. Значит, у него была максимум минута, чтобы спрятать алмаз где-то в коридорах или комнатах, и около 10 минут, чтобы спрятать его в пространстве между дверьми. В первом случае, у него было слиш-

ком мало времени, чтобы оборудовать надёжный тайник. Максимум, что он мог, это засунуть алмаз в какой-нибудь шкаф или под ковёр. Во втором случае, хотя у него и было больше времени, вряд ли в таком ограниченном пространстве можно было сделать тайник, которого бы мы не нашли. Да и что можно сделать, стоя между двумя дверьми, когда, к тому же, рядом по коридору бегает разыскивающий тебя люди.

Мы бодро взялись за поиски. Сначала внимательно осмотрели двери. Никаких признаков того, что в коробке, стенах или дверном полотне были выбиты какие-нибудь полости. Потом начали осмотр других комнат. На первом этаже – ничего. На втором этаже были осмотрены комнаты князя и княгини. Дарья и Дуняша по просьбе его превосходительства осмотрели даже личные вещи и гардероб, но безрезультатно. Наконец, тщательнейшим образом осмотрев последние три комнаты, и ещё раз, ползая чуть ли не на четвереньках, осмотрев коридор, мы вынуждены были констатировать факт, что либо Григорий Бехтерев за минуту спрятал алмаз так, что мы не в состоянии его найти, либо алмаза «Звезда Бенгалии» в Набережном дворце нет.

Когда об этом сообщили князю, лицо у него вытянулось. Он приказал Брюсову открыть его кабинет, и сказал, чтобы все следовали за ним. В кабинете князь Вышатов, несколько сбавив тон, просил поручика объяснить, что за выходку он совершил, и куда дел алмаз. Дормидонтов и Уваров тоже пытались уговорить Бехтерева, но тот на все вопросы отвечал молчанием. Наконец, князь попросил всех выйти в коридор и оставить его наедине с похитителем.

Мы повиновались. Я, Дормидонтов, Уваров, Олсуфьев, Гриневский, дворецкий, секретарь и две служанки столпились в коридоре, ожидая результата разговора князя с Бехтеревым с глазу на глаз.

– Если бы тогда на лестнице – проговорил я с досадой, – Лядов не сбежал бы от меня, кражи могло бы и не быть.

– Почему? – спросил Уваров.

– Я хотел послать его на кухню и посторожить Бехтерева. С Ипполитом и Лядовым Бехтерев бы не справился.

– И он от вас убежал?

– По-моему, да. Я почти уверен, что он слышал как я его зову, но вместо того, чтобы остановиться, надел шляпу и вышел на улицу.

– Странно.

– Да, странно. Этот Лядов в конце вечера вообще был не похож на себя! – раздражённо сказал Дормидонтов. – Подошёл ко мне, стал мямлить про какие-то свои проблемы, что ему нужно уйти. А он бы сейчас очень пригодился!

– Ипполит и без посторонней помощи долго противостоял этому чудовищу, – тихим, но уверенным голосом Дуняша решила защитить своего кавалера. – Вы же знаете, сударь, – обратилась она ко мне, – что не так-то легко было его остановить.

Эти слова попали, что называется, не в бровь, а в глаз. Своё падение, а вернее свой полёт из тамбура в танцевальный зал, я вспоминал без всякого удовольствия.

– В самом деле, – решил добавить соль на мои раны Федот Олсуфьев, – когда ты с таким шумовым эффектом ввалился задом наперёд, я решил, что нас ждет какое-то представление. Я минуты две не мог понять, что на самом деле происходит.

– Ну, уж, сделал, что мог, – раздраженно ответил я. – Ты, Федот, кстати говоря, хотя и знал, что Бехтерев ворвался в дом и сидит на кухне, предпочёл пить вино и разглядывать алмаз, и вообще ничего не предпринял.

– Что верно, то верно. Не расстраивайся. Ты взял верх над Бехтеревым в поединке по борьбе, сегодня он взял реванш. Хотя настоящий джентльмен, прежде чем напасть, подождет бы, пока ты поставишь поднос.

– Да ну тебя, Федот, – огрызнулся я, – у тебя только шутки на уме.

– А почему вы были с подносом? – спросил Дормидонтов.

– Я развёл в вине успокоительное и хотел предложить Бехтереву выпить, чтобы он пришёл в себя.

– Хотя бы вы, Важин, что-то предпринимали, чтобы предотвратить случившееся.

– Но Ипполит тоже, сударь, – снова раздался голосок Дуняши, – стоял в дверях и защищал...

– Кстати, Ипполит, – довольно бесцеремонно перебил её Дормидонтов, – что там у вас стряслось на кухне?

Ипполит, Брюсов, Дуняша и Дарья стояли небольшой группой чуть в стороне от нас. Сейчас лидерство там захватила Дуняша, и терять внимание собравшихся она явно не собиралась. Поэтому вместо секретаря мы снова слышали её голосок.

– Я скажу вам, сударь. Минут пять-десять после ухода господина Важина и Дарьи всё было тихо. Ипполит несколько раз ходил к двери в зал посмотреть, что там происходит. Он очень волновался, как бы чего не случилось, и очень хотел, чтобы вечер побыстрее закончился, и господина Бехтерева можно было бы спровадить восвояси. Потом раздался шум аплодисментов из зала. Ипполит сказал, что князь Долгоруков произнёс речь и покидает бал. В это время тот полоумный господин повернулся к нам, произнёс слово «алмаз» и бросился к двери. Ипполит загородил ему проход, а остальное вы знаете.

– Он так и сказал – алмаз?

– Да.

– А всё это, Яков Иванович, – проговорил секретарь, – из-за вашей щепетильности. С самого начала не надо было пускать его в дом, пусть приходит, когда приглашают.

– Послушайте, господин Сенцов, – в голосе дворецкого прозвучали нотки высокомерия, – вы служите у его превосходительства не очень давно и, возможно, в силу вашего недостаточного воспитания не имеете полного представления о правилах приличия и этикета. Случай был особый. Как вы видели, князь полностью поддержал мои действия, и я не считаю, что вы вправе обсуждать его решения.

Из-за двери кабинета стали слышны голоса. Видимо, разговор перешёл на повышенные тона. Мы замолчали и прислушались. Сначала ничего нельзя было понять, но потом мы слышали слова князя, которые он буквально прокричал:

– Да поймите вы, завтра, уже завтра!

Потом снова голоса перетекли в невнятное бормотание, из которого снова выделился резкий голос князя:

– Этого не может быть!

И потом голос Бехтерева:

– Прочитайте.

Потом снова тишина.

– Боже мой, – простонал Дормидонтов, обхватив голову руками. – Ну, конечно, как я мог забыть про завтра. Если мы ничего не выясним, то всё, завтра нам конец. Фонду завтра конец, всё, чего мы добились, разлетится вдребезги.

– А что будет завтра? – спросил Уваров.

– Завтра у нас второй благотворительный бал. Мы с его превосходительством уже обо всём договорились. Все приглашения разосланы. На первом балу, сегодня, фонду был пожалован алмаз «Звезда Бенгалии». А завтра к нам пожалует одна особа царских кровей и представители банка. Запланировано подписание договора. Наличие в активах фонда алмаза и присутствие представителя императорской фамилии должны служить для них гарантией. А теперь, что мы им продемонстрируем, пустой постамент?

– Перенесите встречу.

– Как?! Как можно перенести встречу с вельможей такого ранга, если она уже назначена. Сегодняшнего визита князя Долгорукова и завтрашнего визита его светлости мы добивались не один месяц. Это не делается вдруг. Знакомство с сильными мира сего и их благорасположение, – да на это уходят годы. Вы что думаете, так легко было заполучить эти два визита именно на наш бал? Да таких желающих, как мы, сколько угодно. И что мы теперь скажем? Извините, ваша светлость, повремените с приездом, с вашим алмазом решил поиграть один из наших офицеров. Да кто вообще после этого будет иметь с нами дело? Это катастрофа. Ах ты, мерзавец, ах ты, скотина!!! – последние слова капитан прокричал в закрытую дверь кабинета, адресуя их Бехтереву. На Дормидонтова было жалко смотреть. Мы, как могли, постарались успокоить его и посадили в кресло.

– Послушайте, – сказал я, – если князю не удастся ничего добиться от Бехтерева, давайте попробуем обратиться за помощью к господину Кромову. Вы его знаете, он часто посещает наш клуб. Он не из уголовного сыска, но всё же служит в Департаменте полиции. К нему уже обращались с подобными просьбами, правда, по несколько другим делам, разобраться с подлинностью каких то документов. Насколько я знаю, с этими делами Кромов справился. Человек он порядочный и деликатный. Возможно, он сможет нам помочь.

– Расследование? Предлагаете поручить ему расследование как частному лицу? – Дормидонтов на секунду задумался, – А если об этом станет хоть кому-либо известно? Результат будет такой же, как если завтра мы не предъявим алмаз. Нет, надо браться за этого негодяя Бехтерева и трясти его, пока не скажет правду.

– Да, – заметил Уваров, – на честное слово князя, что он не причастен к происшествию и исправит ситуацию своими силами, в правительственных кругах не обратят внимания.

– Что вы думаете, Яков Иванович? – спросил Дормидонтов.

– Я думаю, князь будет против малейшей огласки этого дела за пределы круга тех, кто уже в курсе произошедшего.

– А ты Ипполит?

– Что я могу думать, господин Дормидонтов, с моим недостатком воспитания и незнанием правил этикета? Раз Яков Иванович сказал нет, значит, нет.

Брюсов высокомерно хмыкнул.

В это время дверь кабинета отворилась, и в коридор вышел князь Вышатов.

– Господин Брюсов, – сказал он, – сходите за Захаром и приведите его сюда. Остальных прошу пройти в кабинет. Дарья, Дуняша, ждите здесь и никуда не уходите.

Глава 6

Мы вошли в просторный кабинет. Как только захлопнулась дверь, Дормидонтов бросился к князю Вышатову:

– Ваше превосходительство, вам удалось от него чего-нибудь добиться? Ведь завтра...

– Да, я помню про нашу завтрашнюю встречу. Я объяснил наше положение господину Бехтереву, и могу вам сообщить, что, несмотря на все мои угрозы и уговоры, он отказывается сообщить, куда он дел украденный, – а у меня теперь нет никакого сомнения, что это целенаправленная кража, алмаз.

Из уст присутствующих вырвался вздох разочарования. Я подошёл к князю.

– Ваше превосходительство, я прошу выслушать меня.

– Подождите нас, – сказал он остальным и сделал мне знак рукой отойти в угол кабинета.

– Я хочу сделать вам одно предложение. Я уже обсуждал его с Дормидонтовым и остальными, но они его не поддержали. Но тогда ещё была надежда, что вам удастся уговорить Бехтерева, и дело благополучно разрешится. Сейчас, когда положение безнадежно, моё предложение ещё более актуально.

– Говорите.

– Мой хороший знакомый, Пётр Михайлович Кромов, служащий Департамента полиции. Он один из лучших, чиновников этого ведомства. Обратитесь к нему с просьбой приватно заняться этим делом. Хоть он и не на сыскной работе, но, возможно, сумеет нам помочь.

Князь Вышатов покачал головой, и я замолчал.

– Нет. Благодарю вас за участие, которое вы проявляете к этому делу, но поступить так, как вы предлагаете, я не могу. Я объясню вам. Во время нашего разговора Бехтерев сообщил мне нечто такое, что затрагивает не только интересы фонда, но и честь моей семьи. Я уверен, то, что он говорит, – неправда, а то, что он делает, пахнет презренным шантажом. Но посвящать в эти дела посторонних я не собираюсь. Тем более, у нас просто нет времени. До завтрашней встречи осталось меньше суток. Расследование не проведёшь в такой короткий срок. Я решил, что делать, и сейчас собираюсь огласить свое решение.

– Но всё-таки...

Князь снова покачал головой, и мы присоединились к остальным. В кабинет вошёл Брюсов в сопровождении кучера.

– Захар.

– Да, ваше превосходительство.

– Препроводите этого господина в соседнюю комнату и сторожите его там вплоть до дальнейших моих распоряжений.

Кучер кивнул головой, взял Бехтерева под руку, и они ушли.

– Господа! Все вы стали невольными свидетелями кражи, случившейся в моём доме. До сих пор вы оказывали мне поддержку, я надеюсь на неё и в дальнейшем. Повторю, что при нашем разговоре господин Бехтерев отказался сообщить, где находится алмаз. Я считаю, господин Бехтерев более не имеет права причислять себя к приличному обществу, однако, разоблачить его публично, завести официальное дело я не могу, такой скандал недопустим. Своим поступком он поставил меня почти в безвыходное положение. Завтра я должен продемонстрировать алмаз весьма высокопоставленным особам. Мы с вами обыскали всю часть дома, где похититель мог спрятать алмаз, но безрезультатно. Я полагаю, что он выбросил алмаз в окно, раму которого мы нашли открытой, и там его подобрал сообщник. Других версий у меня нет. Я считаю, что алмаз в данный момент находится вне пределов нашей досягаемости, и сейчас поиски его бесполезны. Если бы он был в доме, мы бы его нашли, если он в руках какого-то мошенника, то у нас нет ни малейшей зацепки, где его искать. Кроме того, времени у нас

только сутки. Поэтому я решил не расследовать это дело, тем более что расследование ляжет тёмным пятном на репутацию фонда и мою лично, а приложить все усилия, чтобы предотвратить те последствия, которые принесёт нам эта кража.

– Я собираюсь, – продолжал князь, – заложить, а при необходимости и продать свою недвижимость, драгоценности, обратить в деньги ценные бумаги, собрать достаточно средств, чтобы купить алмаз, подобный «Звезде Бенгалии», и завтра продемонстрировать его собравшимся. На мне лежала высокая честь и ответственность за сохранение царского дара, и я готов на любую цену, чтобы исправить свой проступок. Другого выхода, который не запятнал бы моей чести, чести фонда и мундир русского офицера, я не вижу.

Мне идея показалась совершенно сумасбродной, но я промолчал.

– Господин Сенцов, на что мы можем рассчитывать?

– Под залог Набережного дворца могут дать пятьдесят-шестьдесят тысяч рублей, вашу усадьбу и земли можно продать за тридцать тысяч, продажа ценных бумаг принесет около пятнадцати тысяч рублей. Я затрудняюсь точно оценить стоимость ценных вещей и украшений, но, думаю, за них можно выручить семь-восемь тысяч. Итого, около девяноста-ста тысяч рублей. Но учтите, чтобы продать быстро, придётся соглашаться буквально на бросовые цены, так что можно рассчитывать на половину, самое большее две трети этой суммы, не более.

– А сколько стоит «Звезда Бенгалии»?

– «Звезда Бенгалии» – уникальный алмаз, – взял слово Уваров, – поэтому оценить его я не берусь, но похожие на него по размерам и качеству стоят от восьмидесяти до ста двадцати тысяч рублей. Да и найти такой алмаз на продажу за сутки сложно. Вполне может быть, что у ювелиров в продаже вообще сейчас нет таких алмазов, и их надо заказывать.

Услышав такие ответы, князь Вышатов опустил голову. Наступила тишина. Никто не знал, что сказать или предложить.

– Да, в конце концов, – чуть ли не прорычал Дормидонтов, – дайте мне поговорить с этим Бехтеревым, я заставлю его сказать, куда он дел этот алмаз!

– Успокойтесь, Иван Демидович, – обратился князь к Дормидонтову, – я уже говорил, что в этом деле есть детали, которые я не могу предать гласности. Бехтерев очень точно рассчитал свой удар, я связан по рукам и ногам, на все мои угрозы он только усмехался мне в ответ.

– Да и потом, Дормидонтов, – сказал Федот Олсуфьев, – что вы ожидаете у него узнать? Нет сомнения, он выкинул алмаз в окно своему сообщнику. Вспомните, после того, как он схватил алмаз, у него было меньше минуты, чтобы его спрятать. Потом мы начали бегать по всем комнатам и коридорам. А ведь алмаз размером примерно..., примерно...

– С теннисный мяч, – подсказал я.

– По-моему, все же поменьше, – возразил Олсуфьев, – но все равно, подумайте, как можно менее чем за минуту спрятать предмет таких размеров так, чтобы десяток человек не могли его найти в течение полутора часов. Да все, что он мог успеть сделать, это положить алмаз в шкаф или ящик стола. Но мы осмотрели всё и алмаза не нашли. А на то, чтобы снять обшивку мебели или, например, паркет, положить туда алмаз и снова привести всё в порядок, времени у него не было. Поэтому не сомневайтесь, пробегая по коридору, он бросил алмаз в окно своему сообщнику, который ждал внизу, а сам попытался скрыться через дверь во двор. И убежал бы, если бы Брюсов её не запер. Так что никаких ценных сведений от Бехтерева вы всё равно не добьётесь.

– Мы могли бы узнать у него имя сообщника и где его искать.

– Бехтерев в последнее время посещал заведения, где собирается всякий сброд. Наверняка там он и нашёл сообщника, и что нам даст его имя?

– Мы бы узнали, как они собирались после встретиться.

– Что толку в ваших предположениях? Ведь Бехтерев всё равно молчит. И не забудьте, что отыскать сообщника и отнять у него алмаз нам надо менее чем за сутки. И какие, по вашему, у нас шансы?

– Но всё равно, что-то же надо делать! – Дормидонтов стукнул кулаком по столу. – Я предлагаю давить на Бехтерева!

– Извините, – секретарь поднял руку и посмотрел на князя.

– Говори, Ипполит.

– Я думаю, что проверить дело с покупкой алмаза за сутки нам никак не удастся. Может, моё предложение не отвечает правилам хорошего тона, – секретарь покосился на дворецкого, который стоял рядом с ним, – но я прошу вас, господин Дормидонтов, вспомнить историю, которую вы рассказывали господину Лядову, примерно, неделю назад.

– Какую?

– Вы говорили, что знаете несколько случаев, когда барышни из высшего света, продавая или закладывая свои драгоценности и не желая, чтобы об этом стало известно, заказывали себе очень качественные копии и появлялись с ними на приёмах, и что никто не распознал подделки. Вы сказали, что даже знаете имя ювелира, который выполнял для них эти заказы. Я предлагаю найти его, заказать ему копию «Звезды Бенгалии» и завтра представить её за оригинал.

Дормидонтов потёр свой лоб.

– Ну, вообще, да. Ходили какие-то слухи. Имя ювелира то ли Дюмонтъе, то ли Дюмале, я сейчас не помню. Пожалуй, быстро навести справки о нём я смогу. И заказ можно будет сделать анонимно, он не будет знать, на кого работает. Вопрос в том, видел ли он когда-нибудь «Звезду Бенгалии», и возможно ли за сутки сделать копию?

– Это мы узнаем только тогда, когда его найдём, – сказал князь. – А какова стоимость работы?

– Насколько я знаю, за обычный заказ надо заплатить три-четыре тысячи, за копию драгоценности стоимостью сто двадцать тысяч, и при сроке исполнения одни сутки, я думаю, не меньше десяти тысяч рублей. Причём, платить надо наличными и со стопроцентной предоплатой, так что, если мы хотим, чтобы он успел к завтрашнему дню, найти его и заплатить надо сегодня вечером.

– Ипполит, – спросил князь, – сколько у нас наличных в доме?

– Около восьми тысяч рублей.

– Господа, мне бы не хотелось привлекать в это дело кого-то ещё, чтобы занять две тысячи. Я прошу, если есть такая возможность, ссудить мне эти деньги, завтра я обналичу свои ценные бумаги и верну свой долг.

Гринеvский и Уваров заявили, что через два-три часа смогут принести по пять-сот-восемьсот рублей, а когда Дормидонтов сказал, что за сегодня сможет собрать ещё полторы тысячи, вопрос был улажен. Федот Олсуфьев предложил свои два червонца, которые он, по его словам, «может достать из кубышки под кроватью», благо это всё, что у него есть, но на его шутку не обратили внимание.

– Что ж, – произнёс князь Вышатов, – хоть этот способ и весьма сомнителен, другого, видимо, нет. Если он удастся, я приложу все усилия, чтобы компенсировать потерю «Звезды Бенгалии», пусть на это будут уходить все мои доходы. Я готов распродать всё, что имею, лишь бы смыть с себя этот позор. Если у нас что-то не получится, я лично возьму на себя всю ответственность. Теперь надо действовать. Уваров, Гринеvский, я прошу вас отправиться за деньгами. Ипполит, собери всю наличность и передай её Якову Ивановичу. Потом ты поступаешь в распоряжение Дормидонтова. Ваша задача договориться с этим ювелиром. Яков Иванович, скажите Дарье и Дуняше, чтобы убрали столы, и накажите им строго-настрого и проследите за этим сами, чтобы они ни с кем из слуг не болтали об этом происшествии. Скажите повару,

чтобы готовился к завтрашнему приёму, и, вообще, вся подготовка к нему ложится на вас. Бехтерев пусть пока остаётся под охраной Захара. Я останусь здесь, в кабинете. Когда будут какие-нибудь результаты или возникнут сложности, обращайтесь ко мне.

Уваров и Гриневский отправились за деньгами, Брюсов пошёл на кухню давать распоряжения слугам.

– Ну что ж, если я не нужен, я, пожалуй, пойду, – сказал Олсуфьев. – За меня можете быть спокойны, ваше превосходительство. Если уж я не смог помочь вам деньгами, то уж закрыть свой рот на замок для меня не составит проблем. Иван Демидович, если я понадобится, сегодняшний вечер и завтрашний день я намерен просидеть в клубе.

С этими словами он махнул нам рукой и вышел. Князь Вышатов подошёл ко мне и протянул руку.

– Благодарю вас, господин Важин. Вы, пожалуй, больше других сделали, чтобы предотвратить сегодняшнее происшествие.

– Спасибо, – ответил я. Но, ни мой упрямый характер, ни мое неудовольствие происходящим не позволили мне оставить всё как есть, не предприняв последней попытки вмешаться.

– Но всё же, прошу вас выслушать меня ещё раз. Честно говоря, хотя я и желаю вам удачи, но не верю в осуществление вашего плана. Я не в состоянии помочь вам деньгами, но сумею помочь, если привлеку к расследованию господина Кромова. Почему не попробовать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.